

(Стар.)

Житие святого Константина Философа

(Житие и жизнь и подвиги иже во святых отца нашего Константина Философа, первого наставника и учителя славянского народа)

Житие святого Мефодия

(Память и житие отца нашего и учителя Мефодия, архиепископа Моравского)

Жития Константина и Мефодия, наряду с переводами Писания и богослужебных текстов, *Прогласом*, поучениями из *Сборника Клоца* и *Законом судным людям*, — древнейшие памятники славянской словесности. Авторство их достоверно не известно. Датировка создания их в качестве своеобразного «диптиха» (см. указанную ниже работу Б.Н. Флори) — ок. 885 г., вскоре после кончины Мефодия. При этом первоначальная редакция *Жития Константина* датируется более ранним временем, относясь ко времени жизни Мефодия. Эта первоначальная редакция отразилась в латинском сокращенном переложении-переводе — т.н. *Итальянской легенде*. Автором *Жития Константина* чаще всего называли Мефодия или Климента Охридского (в тексте итоговой редакции автор называет себя учеником Мефодия). Автором *Жития Мефодия* и итоговым редактором диптиха являлся славянин, близкий ученик Мефодия — вероятнее всего, мораванин.

Основным источником обоих текстов послужили личные воспоминания, в том числе весьма недавние, его авторов. Неизбежное влияние на их литературное оформление, конечно, оказали и агиографические традиции. Переноса опыт греческой агиографии на славянскую почву, авторы житий, в то же время, должны были использовать не только образный ряд славянского языка, но и некоторые приемы единственно имевшейся устной словесности.

Текст *Жития Константина* на значительных отрезках ритмически организован. Встречаются отдельные короткие поэтические отрывки — молитвы, как оригинальные, так и переводные. Древнейший образец оригинальной славянской повествовательной поэзии имеется в *Житии Мефодия*. Это небольшое стихотворение о кончине Константина-Кирилла:

*По дѣньхъ же мнозѣхъ Философъ
На Судъ грядѣи, рече
Къ Мефодію, брату своему:
«Се, брате, въ супруга бяховѣ
Едину бразду тяжаща,
И азъ на лѣсть падаю,
Свои дѣнь съконьчавъ.
А ты любиши гору вельми
То не мози горы ради
Оставити учения своего
Паче бо можеши кымъ
Спасенъ быти».*

Мотивы: М2, М4 (Житие Константина Философа)

Использованные издания:

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 1–39

Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 188–198

Перевод на русский язык:

Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004.

(Чеш.)

Житие святого Вячеслава (Востоковская легенда)

Убиение святого Вячеслава, князя Чешского

Житие святого Вячеслава (Легенда Никольского)

Пролог о Вячеславе, мученике Христовом

Существует ряд славянских и латинских житий X–XI вв., посвященных св. Вячеславу (Вацлаву) Чешскому, — князю, убитому родным братом Болеславом в 935 г. Древнейшие из них тесно между собой связаны. Славянские жития сохранились в относительно поздних русских (кириллических) и хорватских (глаголических) списках.

Востоковская легенда является древнейшей версией славянского *Жития*, созданной, по мнению современных исследователей, примерно в 970-х гг. Имеются и более ранние датировки. Текст известен в трех редакциях: хорватской (более близкой к оригиналу), русской пространной (собственно «Востоковской», по имени открывателя А.Х. Востокова) и русской краткой Минейной, сочетающей черты двух предыдущих. Одновременно со славянским создано и старейшее латинское *Житие* (*Crescente fide*), близкое содержательно, но независимое.

Автор *Легенды Никольского* (по открывателю Н.К. Никольскому) во второй половине XI в. перелагал на славянском языке второе латинское *Житие* — *Легенду Гумпольда*, созданную около 980 г. в Германии. Наряду с основным источником автор перевода, однако, привлекал и другие. У него отмечены в том числе неизвестные ранее в письменной традиции данные. Предполагают использование в памятнике общего славянского (?) источника с более ранними латинскими житиями — *Crescente fide* и *Легендой Кристиана*. Второе славянское *Житие* сохранилось только в русских списках.

Сюжеты: I.3, I.4

Мотивы: Б40.2, Б44, Б45, 38, 39, 39.1, М1, М2

Использованное издание (с переводом на русский язык):

Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности / предисловие, комментарии и перевод А.И. Рогова. М., 1970. С. 34–105.

(Чеш.)

Житие святой Людмилы

Проложное *Житие св. Людмилы*, матери св. Вячеслава, сохранилось в составе древнерусского *Пролога*. Время создания памятника неизвестно. На существование в прошлом более пространный *Жития*, вероятно, указывают совпадения с латинскими *Житиями св. Вячеслава* конца X–XI вв. Известно и латинское *Мученичество св. Людмилы*. Предположительно появление славянского *Жития* относится к 970–990-м гг., не менее полувека спустя после смерти святой.

Сюжет: I.3

Мотивы: 38, 39, 39.1, M2, M2.1, M19, M21

Использованное издание (с переводом на русский язык):

Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности / предисловие, комментарии и перевод А.И. Рогова. М., 1970. С. 106–110.

(Чеш.)

Житие Ивана Пустынника

О пустыннике Иване, королевиче Хорватском

Краткая агиографическая статья, сохранившаяся в слегка отличающихся редакциях в составе *Западнорусского хронографа*. Имеется восходящее к общему с ней прообразу столь же краткое латинское *Житие*, созданное не позднее XV в. Славянское *Житие*, скорее всего, появилось в X–XI вв., как и другие памятники чешской церковнославянской агиографии. Время действия — правление князя Боривоя (Борживоя), конец IX в. Сюжет — встреча князя с пустынником Иваном, который затем умирает, оставив запись о своем происхождении от «короля хорватского». Под «хорватами» здесь изначально имелись в виду скорее чешские хорваты, что, возможно, не осознавалось и при создании памятника (отсюда «король»). Это указывает на значительную временную дистанцию; так, королевством Хорватия стала только в 925 г.

Сюжет: I.2

Мотив: Б31

Использованное издание:

Documenta historiae Chroaticae periodum antiquam illustrantia. Zagrabiae, 1877. P. 377–379.

(Чеш.)

Житие святого Прокопа

Славянское *Житие св. Прокопа (Прокопия) Сазавского* (ум. 1053), созданное кем-то из его учеников в 1060-х гг., не сохранилось. Однако оно явилось основным источником при создании старейших латинских *Малого жи-*

тия (вторая половина XII в.) и *Древнего Жития* (XIII в.). Первое из них, вероятно, относительно точно воспроизводит структуру и содержание славянского оригинала.

Мифологические мотивы: 0.10, 0.11.

Использованное издание:

Chaloupecký V., Ryba B. *Středověké legendy prokopské: jejich historický rozbor a texty*. Praha, 1953.

(Болг.)

Житие святого Климента Охридского

Древнейшее славянское *Житие св. Климента Охридского* (ум. 916), созданное вскоре после его кончины, не сохранилось. Оно упоминается в *Житии св. Наума*, с которым его краткая, также несохранившаяся версия составила «диптих» наподобие *Житий св. Константина и Мефодия*. Однако на рубеже XI/XII вв. славянское *Житие* стало источником для греческого *Жития*, написанного архиепископом Охрида Феофилактом Болгарским. Судя по переложению Феофилакта, славянское *Житие* представляло собой подробное повествование, отличавшееся интересом к историческим событиям. Источником его служили преимущественно личные воспоминания учеников Климента, о чем сообщает и автор *Жития св. Наума*. Интересна хронология памятника, использующая в качестве основных датирующих признаков сроки правления болгарских князей.

Мотивы: 35, 36, 36.2, M4

Использованное издание:

Гръцки извори за българската история. Т. IX. Ч. 2. София, 1994. С. 10–41.

(Болг.)

Житие святого Наума

Память преподобного отца нашего Наума

Небольшое по объему *Житие св. Наума Охридского* (ум. 910) создано не ранее 924 г., после написания *Жития св. Климента Охридского* и в связи с ним. Пространной версии *Жития св. Климента* автор не нашел, о чем выражает сожаление, но, видимо, использовал какую-то краткую версию. Автор памятника — духовное лицо из окружения девольского епископа Марка, ученика Климента. *Житие* сохранилось в единственном списке XV в. С *Житием св. Климента* его роднит внимание к исторической конкретике, с опорой на непосредственные знания и личные воспоминания современников. В то же время автор, видимо, старался не повторять содержащуюся в *Житии св. Климента* информацию.

Мотив: В2

Использованное издание:

Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 306–307.

Перевод на русский язык:

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 140–141.

(Болг.)

Краткое житие святого Кирилла

Житие и жизнь преподобного отца нашего Кирилла Философа

Проложное житие святого Мефодия

Память во святых поистине преподобных отцов наших и архиепископов Моравских Константина, нареченного Кириллом, Философа, и Мефодия, брата его, учителей славянского языка

Краткие болгарские *Жития Кирилла и Мефодия* сохранились в ряде списков XIV–XVII вв. Были ли памятники связаны между собой, неясно; переписывались они отдельно. Вместе с тем, на первоначальную связь может указывать заголовок *Проложного жития Мефодия*, где далее идет только текст о Мефодии. Время создания *Житий* точно не установлено. Фактические неточности и легендарные детали указывают на значительный промежуток времени от учеников Солунских братьев до написания. Вместе с тем, к началу XII в. *Жития* не только были написаны, но и, видимо, известны на Руси. Следы знакомства с ними видят в статье 898 г. *Повести временных лет*. Есть, однако, и более поздние датировки, до XIII в. включительно.

Сюжет: I.9 (Краткое житие Кирилла)

Мотив: Г14 (Краткое житие Кирилла)

Использованное издание:

Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 283–290.

Перевод на русский язык (Краткое житие Кирилла):

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 134–137.

(Болг.)

Чудо святого Георгия о болгарине

Чудо св. Георгия о болгарине представляет собой болгарскую вставку в переводной греческий памятник *Чудеса св. Георгия*. Текст датируется примерно второй четвертью — серединой X в. и посвящен эпизоду из времен войн с венграми царя Симеона (893–927). В начале небольшого рассказа содержится также повествование о крещении Болгарии. Источником для автора стала, по его утверждению, предсмертная исповедь некогда спасенного св.

Георгием болгарина. Рассказ о ней передал некий монах Иосиф, родом сицилиец, из монастыря близ Мир в Фессалии.

Мотив: М2

Использованное издание:

Иванов Й. Старобългарски разкази. София, 1935. С. 213–215.

Перевод на русский язык:

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 319–322.

(Болг.)

Иеремия. Сказание о Крестном Древе

Слово Иеремии-пресвитера о Древе Честном и о возвещении Святой Троицы

Сказание о Крестном Древе пресвитера Иеремии — апокрифическое сочинение, относящееся к древнейшему этапу истории болгарской литературы. Время его создания на основе свидетельств позднейших списков отреченных книг определяется в пределах середины — второй половины X в. Источником вдохновения для автора послужило переводное и также апокрифическое *Слово о Крестном Древе*, приписанное Григорию Богослову. Но миф о происхождении Креста Господнего в *Сказании* существенно отличается. Иеремия скомпилировал мотивы существующих апокрифов с заимствованиями из Писания и собственными дополнениями. *Сказание* сохранилось в болгарской, русской и сербской рукописной традиции. В средние века оно было достаточно широко известно.

В списках отреченных книг Иеремия именуется еретиком-богомилем, более того — учеником или даже сыном Богомила, легендарного основателя ереси, а иногда и отождествляется с ним. Хронологически первое вероятно, однако, как правило, отвергается в науке. Явных следов богомилства в *Сказании* нет. Впрочем, с учетом характера богомилства как широкого и многоуровневого движения вопрос не следует решать однозначно.

Библейские сюжеты Иеремии были сравнительно неплохо известны до царя Соломона включительно — после этого он заполняет незнание даже не сведениями из апокрифов, а откровенными, не имеющими греческих прототипов вымыслами. Крайне плохо знал он и канонические Евангелия, а точнее, знал только отдельные фрагменты (благодаря церковным чтениям), не всегда представляя контекст. Потому кажется, что Священную историю Иеремии заменяла какая-то компиляция вроде древнерусской *Толковой Палеи*. Ее старейшая редакция (собственно *Палея Толковая*) доведена как раз до времен Соломона. С *Палеей Сказание* имеет целый ряд в том числе и текстуальных параллелей. Мог он знать и переводы византийских хроник (Иоанна Малалы?), либо извлечения и компиляции на их основе.

Среди апокрифических сюжетов, вводимых Иеремией, есть впервые появляющиеся в известной нам литературе благодаря ему. Некоторые имеют лишь побочное значение для основного сюжета — хранения неизвестными доселе «разбойниками» будущего Крестного Древа для грядущего Христа. Такие отступления характеризуют недюжинную фантазию писателя и способность его переплести самые странные вымыслы с отрывочными выдержками из Писания.

Сюжет: I.19

Мотивы: А8, Б28, 35

Использованное издание:

Соколов М.И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М., 1888. С. 73–211.

Перевод на русский язык:

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 88–102.

(Болг.)

Житие святого Ивана Рильского

Житие и жизнь преподобного отца нашего Иоанна, пустынножителя Рильского, и о перенесении мощей его

Существование древнейшего *Жития св. Ивана (Иоанна) Рильского*, подвизавшегося во времена царя Петра (927–969) и почитавшегося основателем Рильского монастыря, остается под вопросом. Если оно существовало, то создано было в последней четверти X — XI в. Старейшее сохранившееся — т.н. *Народное Житие*, относимое к XII в.

Источником этого *Жития* (или его прототипа) в значительной степени являлись и называются устные предания, связанные со святым и конкретными оставшимися от его времен достопримечательностями. Последние упоминаются в памятнике неоднократно.

Помимо этого, еще одной «фольклорной» чертой *Народного Жития* является его ритмический на значительной протяженности слог, употребление формульных выражений (в том числе известных в болгарском эпосе). Имеется ряд близких к стихотворным фрагментов, наиболее протяженный и выразительный из которых следующий:

И иде и обръте нещерж, и вниде,

Идеже слнце не призирааше,

Ни вѣтръ вѣаше,

Нж тъкмо аггль единъ прихождааше

Къ нему, ношааше

Ему маннж вт Бога вбразом шипковгъмь.

И тоу прѣбивааше,

Мола Бога днь и ноць, не почиваѧ,

*И без слъзь не прѣбиваа
Николиже, мола Бога.*

Сюжеты: I.12, I.13

Мотивы: Б12, Б35, Г10, Г11, К14, К15, К16, М2, М3, М4, М23

Использованное издание:

Иванов Й. Жития на св. Иван Рилски с уводни бележки // Годишник на историко-филологически факултет на Софийски университет. Кн. XXXII. Т. 13. София, 1936. С. 28–37.

Перевод на русский язык:

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 322–330.

(Болг.)

Откровение Мефодия Патарского

Святого Мефодия, епископа Патарского, указание истинное о царях, последних днях и годах

Апокрифическое *Откровение Мефодия Патарского*, дающее краткий очерк легендарной мировой истории и подробное описание грядущего ее конца, было переведено с греческого языка в Болгарии на рубеже IX/X вв. Это был, скорее всего, первый переведенный в славянском мире апокриф, и один из наиболее популярных, чему способствовало и отсутствие его однозначной церковной оценки. К началу XII в. *Откровение* попало на Русь и цитировалось в *Повести временных лет*. Позднее на Руси появилась собственная редакция *Откровения*, включающая и данные из других близких по содержанию апокрифов (например, *Сказания Исаии*).

В Болгарии особая сокращенная редакция *Откровения* появилась в середине — второй половине XI в. Она была тесно связана с возникновением оригинальных апокрифов — *Сказания Исаии* и *Толкования Даниила* — и близка к ним содержательно. Очевидно, все три сочинения создавались в одном по меньшей мере идейном кругу, причем *Откровение* было отредактировано несколько ранее.

В новой редакции *Откровения* присутствует ряд оригинальных мотивов, а также вставка неизвестного происхождения — поэтическая притча о голоде:

*И боудеть пагоуба земли велика.
И поидеть ѳѣднь ѳт Сръдѣца,
А други ѳт Солоуна,
И състанета се на Ветери, носѣща злато,
И речета другъ другоу: «Брате,
Ѕлико ѳсмо тамо къ Солуноу ити?»
Онѣ моу речеть: «Камо сѣмо къ Сръдѣцоу ити».
Имета злато сыпати на землю, глѣуща:
«Ѓ горе намъ, брате,*

Землѣ остала поуста,
Иметь имати овѣца волоую цѣну,
А воль коньскоу цену,
А конь (тридесять) литръ,
А человеци ѣ имуть сами продавати
По три любо за четыре златице,
И wdь глад се сами погубеть
друзь друуга.
Встанеть велика ненависть
вса землѣ.
«Горе намь, брат, и лоутѣ намь», —
Иже добоудють дни тѣхъ.
Тога боудеть в человецѣхъ и вздыханіе
Великоѣ и неотѣшимоѣ
От всекоіе неправды,
И не оуставить се никтоже.

Мотивы: E1, И1, K11

Использованное издание:

Тѣпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 169–173.

(Болг.)

Видение и Толкование Даниила

Видение Даниила-пророка о царях и последних днях, и о кончине века

Толкование Даниилово

Греческий апокриф *Видение Даниила* был переведен на славянский язык в Болгарии в X в. В середине-второй половине XI в. появилась новая дополненная редакция апокрифа, к которой добавилось оригинальное *Толкование Даниила*. Последнее также существует в двух редакциях, видимо, близких по времени создания.

Время появления памятника, его соотношение с другим апокрифическим апокалипсисом — *Сказанием Исаии* — остается дискуссионным. В обоих памятниках нашло почти тождественное отражение восстание Петра Деляна («кагана») (1040–1041). Последний смешивается (в *Толковании*) или сближается (в *Сказании*) с эсхатологическим «последним царем». Стоит отметить, что титулование болгарских князей и царей каганами отмечено только в тех письменных источниках, что связаны с фольклорной памятью о них. В болгарских сочинениях оно закреплено за одним Деляном, воспринимавшимся в народной памяти как последний царь Первого Болгарского царства. Восстание — последнее фигурирующее в обоих памятниках историческое событие. Однако степень мифологизации «царствования» Деляна указывает на определенный временной промежуток между ним и созданием памятников.

Толкование и *Сказание* используют один и тот же письменный источник (*Откровение Мефодия Патарского*) и содержат тождественные по сюжету стихотворно-ритмические отрывки (о Деляне). Однако эти отрывки не совпадают и отличаются в отдельных мотивах. Более того, оба памятника при всех сюжетных сходствах в оригинальных частях почти не имеют лексических совпадений, кроме типических или случайных. Все это с ясностью указывает на два обстоятельства. Во-первых, эти сочинения не зависят в обычном смысле друг от друга и не имеют в оригинальной болгарской части общего письменного источника. Во-вторых, они восходили к общей, известной авторам и их, и *Болгарской апокрифической летописи* устной традиции. В качестве таковой выступала «пророческая», нередко экстатическая проповедь богомилов, хорошо описанная и в византийских, и в болгарских источниках. Такая проповедь естественным образом вбирала в себя фольклорные мотивы и элементы, исторические предания, религиозные легенды или даже эпические песни. С другой стороны, при фиксации на письме она сливалась с памятниками иноязычной пророческой литературы, переведенными на славянский язык. В данном случае в такой роли выступали *Видение Даниила* и *Откровение Мефодия Патарского*. В этой смысле более чем характерно использование их тем и образов (скажем, место решающей битвы у «двуустого студента») в поэтических фрагментах *Толкования Даниила* и *Сказания Исаии*.

Поэтический отрывок о царствовании «кагана» в *Толковании*:

И встанета два мчтелѣ ѿт вѣстока, и съ прьвымь

Срещеть се на Сѡв'чи поли

Избиеть скопскиѣ воѣ

На Киевѣ стоуден'ци

Тоу же в'звратить се

И тоу пакы приде

Двѣ чести измаильтѣнь,

И поплѣнитъ всоу землю Българьскоую.

И шедъ каган съставить е на Сръдьци

И тоу створитъ съча два

И речеть оу Боянѣ:

«Оставьте тоу плѣнь,

Идѣте же домома».

И начноуть глаголати измаильтене:

«Не дадимъ мы, но биѣмъ се», —

И тоу створитъ разбои велик.

И ѣсть же тоу стоуденѣ

Двоя врата имы,

И будетъ пролитиѣ крови мнозѣ,

Яко оутоноути оу крови

Ждрѣбъцоу трилѣтѣноу,

И ту оудолѣють ѣмоу ѣгры,

Избиють ѣмоу воѣ,

А самъ убѣжитъ в Вельблоуждѣ.

*И тоу пакы сбереть сироты,
И попе, и диякы, и мнихы
В Витоши горъ,
Идеже соуть собрани мнози
Святїи от встѣхъ земля,
И поидуть с крсты на Измаила.
Патриархъ поидетъ прѣд ними.
Нач'ноуть боятися югры,
И шмоуть плгънь.
И въселить се каганъ въ Солоунь...*

Сюжеты: I.10, I.11, I.17, I.18

Мотивы: А2, А5, А6, Б7, Б24, Б26, Б26.1, Б51, В1, В2, 31, К2, К17, М2, М4, М7, М8, М18, М19

Использованное издание:

Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 118–127.

(Болг.)

Сказание Исаии

Святого Исаии-пророка о будущих годах и о царях сказание, и об антихристе будущем

Оригинальный болгарский апокриф *Сказание Исаии* сохранился в двух списках XV и XIX в. Время его создания точно неопределимо, но может быть помещено в пределах второй половины XI в., как и время создания *Толкования Даниила*, тесно с ним связанного сюжетно. Письменными источниками автора являлись *Откровение Мефодия Патарского* и *Видение Даниила*. Использование первой редакции *Толкования Даниила* вероятно, но остается предположительным. Автор вне сомнения был связан с фольклорной средой и опирался на устные предания и песни при описании событий болгарской истории. Об этом свидетельствует обилие в оригинальной части текста фольклорных мотивов и собственно эпическое повествование о Деяне, составляющее ядро первой части памятника. Деян именуется каганом («Гагеном»), как и в *Толковании Даниила*, но в отличие от того памятника, называется и по имени. В дальнейшем фольклорные (как минимум, неизвестные прототипам) формулы и мотивы проникают и в апокалиптическую часть, восходящую к греческим апокрифам.

Поэтический фрагмент о Деяне — самый пространный отрывок такого рода в древнейшей славянской литературе, полноценная эпическая песнь. Она насчитывает 70 стихотворных строк и в целом выдерживает стих — вернее, подобно *Слову о полку Игореве*, чередует разные размеры, сохраняя, однако, достаточно мерную ритмику. Если автор и сбивается со стиха (что слу-

чается, особенно когда ему необходимы чужеродные вставки в текст), то не чаще, чем автор Слова или многие народные сказители нового времени:

*Тогда погибнут гръци прѣз море,
А българе на запад тъкмо удръжет се
Въ градовѣхъ именитихъ,
Въ горахъ, въ цпиліахъ и в пещерахъ.
И в тѣ дни Витоша мъглою поветесе
И все планине нарочитіе,
И Свята гора облакомъ облачит се,
И Цариград яко огнемъ начнет полѣти,
И помочит Чигонь всу землю,
И начнут въ странахъ техъ плакати се,
Глаголюще: «СѢ люте намъ, братіе,
Яко люте умресмо!»
И въ лѣто царя Чигочина иизидеть (38-й)
Царь от запад солнца, въ землѣ Сарове,
Именемъ Гагень и порѣкломъ СѢдолънь,
Црствоуетъ пять лѣтъ,
И будетъ кроткъ, и храбръ, и ратникъ,
Емоуже придоут христіане съ плачемъ.
Тѣ бо встанеть яко рождень въ гроба,
И боудеть клоснь окомъ,
И събереть вое западніе и поморскыя,
И поимет съ собою (37) товаръ златъ,
И порфиру подбна ѣс звезды.
И приидь укротит русобраде,
И поидеть въ землю Българскоую.
Прѣвоу воискоу скопскоу срѣщеть
На СѢвчи поли в вѣласти Чигочина,
И разбиеть ю и възметъ вружіа ихъ,
И оружит вое своѣ Гагень царь,
И пакы поидет на Чигочина.
Тогда срѣщутъ его измаилтене на поли Грахове
И разбыють ѣго и съжегоутъ ѣго
Яко стѣно полское.
А сами убегнет у Земльнь градъ.
И разидутсе измаилтене,
И плѣнеть всу землю Българскоую.
Тогда послет Гагень царь Чигочину цару:
«СѢстави плѣнь, и поиди с измаилтени,
Яко не имамо васъ вставитъ».
И пребудет Гагень царь три мѣсе въ Земльне,
Моле се Богу, дондже скоупить
Четыре тмѣ вои своихъ.
Пакы пріиде на измаилтене*

*На мѣсто рекомое пять то гомиль,
И тоу боудеть мнозѣ крови пролитие,
И погоубет вое Гагена цара,
А сами си вбѣгнет въ Перникъ,
И прѣбоудет Гагенъ царь въ Пернице
Сорок дни, моле се Господеви и плаче се.
Тогда явет се емоу Господь вое —
Патриархи и епископы,
И калоугере и попве.
И приидуть с нымъ въ гору рекомую Витошь,
Идѣже соут святии отци въ землѣ Българскіе.
Тогда изидеть девица,
Святаа и красна телом,
Въводещихъ триста святыхъ въцѣ,
И поведеть Гагена цара за десноу рукъ,
И благословить его,
И приидеть съ чстнимъ крстомъ на измаилтени,
И створить стѣчь великъ село,
Еже ѣс двоеустъ кладенць.
Тоу боудеть проліаніе мнозе крови,
И избиеть Гагенъ царь измаилтене,
Яко поразить ихъ Господь палицею невидмою,
И Чигочина цара постѣчетъ,
И възметъ плѣнь и раздась,
Яко потнетъ третіакъ конь по крови.
А тои прѣвѣ быс на Сръдци,
Три лѣте и четыре мсе...*

Сюжеты: I.10, I.17, I.18

Мотивы: А1, А2, А3, А6, А10, Б7, Б9, Б11, Б16, Б24, Б26, Б26.1, Б38, Б51, В1, В2, Е1, Е2, Е4, 31, 32, 34, 35, К1, К3, К7, К8, К9, К11, К17, К18, Л1, М1, М2, М2.4, М3, М22, М23, М31

Использованное издание:

Тѣпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 150–154.

Перевод на русский язык:

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 267–272.

(Болг.)

Болгарская апокрифическая летопись

Сказание Исаии-пророка, как вознесен был ангелом до 3-го неба

Так называемая *Болгарская апокрифическая летопись (Сказание Исаии пророка)*, древнейший сохранившийся памятник славяно-болгарской истори-

ческой литературы, дошла до нас в единственном списке XVII в. Сочинение принадлежит к оригинальному жанру «исторического апокалипсиса», в котором исторические сведения своеобразно вплетены в ткань апокрифического «пророчества». От других сочинений этого рода, созданных в X–XIII вв., *Летопись* отличается количеством и подробностью конкретно-исторических сведений (хотя и весьма своеобразно поданных). Как значительная часть «исторических апокалипсисов», *Летопись* создана представителями богомильской ереси. На это указывают и космологическая картина, данная в начале, и специфические черты морального учения (косвенное осуждение брака), и сюжетное сходство с несомненно богомильскими памятниками. Летописью в собственном смысле слова сочинение не является. Название условно и появлением своим обязано отсутствию в болгарской литературе до XIV–XV вв. памятников действительного летописания.

Время создания *Летописи* определяется упоминаниями в ее конце, в короткой собственно «пророческой» части, описывающей уже будущее, а не прошлые события, «царя Тургия» (т.е. турок-сельджуков) и печенегов. Угрозу для Византии (в состав которой входила тогда Болгария) оба эти врага представляли в промежуток 1071–1091 гг. Уточнить дату позволяет предсказываемое немногим выше автором царствование в империи Арева. Армянин Арев, наместник Охрида, организовал неудачный заговор против императора Алексея I Комнина как раз в 1091 г. Относительное сочувствие ему автора, возможно, связано с приверженностью Арева родственному богомильству павликианству. Возможно также, что памятник, проповедующий концепцию единого Греко-Болгарского царства с центром в Константинополе и богомильской верой, имел определенный пропагандистский смысл в конкретной ситуации начала 1090-х гг. Известно о попытке богомильского патриарха Василия обратить в свою веру самого Алексея Комнина.

Летопись уникальна тем, что представляет почти чисто «народный» взгляд на историю. В ней мы находим фантастические сроки правления, архаические мифы, топонимические предания, различные версии представлений об одних и тех же персонажах. Иногда автор подставляет вымышленные имена «библейского» типа, заполняя естественные лакуны компилируемых им разрозненных фольклорных сюжетов. Из письменных источников автор использовал, возможно, созданное незадолго до того *Сказание Исаии*, но и в этом нельзя быть уверенным. Известие о «Гагане Оделяне», для *Сказания* главным персонаже болгарской истории, здесь очень кратко. Структурно *Летопись* имитирует архаический тип истории-«родослова» правящего рода, известный по *Летописи попа Дуклянина*.

Мифологический сюжет/мотив: 0.8

Сюжеты: I.1, I.6, I.7, I.8, I.9, I.10, I.11, I.14, I.15, I.16, I.18, I.19

Мотивы: A1, A2, A5, A6, B8.1, B8.2, B10, B58, B1, B2, Г1, Г2, Г3, Г5, Г7, Г11, Г13, Г14, Г15, E1, E3, 35, 37, 38, K11, M2, M2.1, M3, M4, M5, M7, M10, M11, M13, M17, M18, M22, M24, M25, M26, M27, M28, M29

Использованное издание:

Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 195–198.

Перевод на русский язык:

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 180–185.

(Болг.)

Солунская легенда

Слово Кирилла Философа, как уверил болгар

Короткий псевдоэпиграф житийного типа, известный в науке как *Солунская легенда*, написан от имени св. Кирилла и сохранился в трех средневековых списках. Автор, видимо, был знаком с *Кратким Житием*, но в целом содержание сочинения легендарно и не имеет параллелей в предшествующей агиографии. Датируется обычно создание памятника XII в.

Хронологические сдвиги (осада славянами Солуни связывается с деятельностью св. Кирилла и крещением болгар), неизвестные более ниоткуда имена князей могут быть отголосками устных источников *Легенды*. В тексте имеется небольшой ритмический, почти стихотворный фрагмент:

И въ единъ день въ неделоу святоу изидох ис церквѣ и седо на мраморѣ мислеци и скръбеци.

И видѣхъ голуба глаглюци,

Въ оустехъ ношаше зворѣкъ стѣчци

Кокени, соугоубѣ свезанѣ,

И врѣже мнѣ на крио.

И прѣчтох ихъ,

И обретох всехъ тридесять три,

И вложихъ ихъ в пазоуху, несох митрополиту.

Тогда они въ тело мое съкрише си,

И азъ истребихъ грѣци ѳзикъ...

Сюжеты: I.5, I.9

Мотивы: Г14, Л1, М2

Использованное издание:

Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 282–283

Перевод на русский язык:

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / перевод И.И. Калиганова и Д.И. Польшанного. М., 1990. С. 266.

(Болг.)

Адам и Ева

Слово об Адаме и Еве

Переводной апокриф, известный в большом количестве болгарских, сербских и русских списков XIV–XVII вв. Наиболее древней из трех имеющихся является первая болгарская редакция, сохраненная во всех трех языковых изводах. Создана она была, вероятно, в X в., и уже включает ряд дополнений, отсутствующих в греческом оригинале, в том числе мотив «рукописания Адама» неизвестного происхождения.

Мифологический сюжет/мотив: 0.2г.3

Использованное издание:

Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 207–218

(Болг.)

Прение Христа с дьяволом

Слово о прении дьявола с Господом нашим Иисусом Христом

Переводной апокриф, известный в нескольких болгарских, сербских и русских списках XIV–XVIII вв., отражающих различные версии перевода двух греческих редакций. Наиболее древним является старейший болгарский перевод, датируемый, видимо, X–XI вв. Его создатель активно использовал ритмику и формулы эпической поэзии. Наиболее яркий фрагмент такого рода посвящен победе Иисуса над демонскими полчищами:

*...И тако възыде прахъ надъ ними
(Тридесать) лакъть от множества дигьволь.
И видгьша ученицы Господни
Горы трепещущь
И хлымы трепещущи и бгъжащь
И ргькы штстсжщж,
Море бездна мжташе сѧ
И рыбы скачущь.
И реша ученицы Господни:
«Видгьхомъ ярость дигьвола
И оубогьхомъ сѧ».
Такожде глаголацимъ имь,
Взыде прахъ (двунадесять) прьприщъ
Сѧт силъ дигьволь.
И вземь Петрь страхъ шт дигьвола,
Ї штбгъже от Иисуса три прьприща.
И рече Иисус Петрови:
«Не твори зла».
Ї обративже сѧ Петрь
И ста за рамомъ Иисусовомъ.
И рече емоу:
«Да видиши славъ Божиѧ».
И въпроси Иисусъ ученикы своя:
«Кто есть штвръжень шт небесь?»*

*Отвѣщавъ Филипъ и рече:
«Отвръже и въ небесъ
Отъць Твои, Едина Слава,
Едина Дръжава, Омоуси Отъць».
Обраць же сѧ Иисус,
Повелѣ облакоу свѣзати диввола за патѣ, и възвыси и,
И въбъси его стрѣмоглавъ прѣдъ Господемь.
И сили его разгна яко и димь.
И бѣжсахъ въ пещери, глаголахъ:
«Что дѣемъ небози zde стожици,
Нъ бѣжимъ въ гльбини и въ пещери,
И въ пропасти земльниж,
Еже бо кнеза нашего обѣсиль юсть
Христосъ въ облацѣхъ небеснихъ».*

Мотив: К2

Использованное издание:

Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 249–253.

(Болг.)

Тивериадское море

О Тивериадском море

Оригинальный славянский апокриф, известный в одном неполном македонском и нескольких русских списках (трех редакций) позднего средневековья. Время и место его создания остаются дискуссионным. Апокриф содержит большое число неизвестных прежде него в апокрифической книжности мифологических мотивов. В основном они совпадают с широко распространенными в восточно- и южнославянском фольклоре легендами, содержащими дуалистическую космогонию. Последнюю можно соотносить с представлениями богомилов, но гораздо больше сходства имеет она с т.н. «урало-алтайским» космогоническим мифом, известным по всей Евразии. Один из ключевых его элементов — сотворение человека — описывается также со слов «волхвов» в древнерусских летописях под 6579 (1071) г.

Письменным источником, вероятно, являлась *Книга Еноха* (место перевода которой — Болгария или Русь — также является предметом научных дискуссий), появившаяся не позднее XI в. Из нее заимствовано немного. Другим источником, — скорее структурным, чем текстуальным, — мог быть греческий апокриф о сотворении мира, сохранившийся в одном списке XVI в. Отраженная в нем традиция могла воплотиться в *Тивериадском море* и устным путем. Наконец, использованы и мотивы, имеющиеся в переводном апокрифе *Адам и Ева* — но лишь оригинальные, что ставит вопрос о соотношении памятников. Причастность богомилов к появлению и распространению апокрифа (и его скорее ранняя датировка, X–XI вв.) явствуют из присут-

ствующих в памятнике переключек с богомильскими идеями. Однако сам миф заметно отличается от богомильского, изложенного в латиноязычной *Тайной книге*.

Наиболее вероятными «разносчиками» отраженной в *Тивериадском море* мифологической традиции являлись гуннские и тюркские кочевники конца древности — раннего средневековья. Наряду с явным богомильским воздействием на *Тивериадское море*, это приводит к выводу о болгарском происхождении памятника. В то же время имеется версия о финно-угорском происхождении отраженной в нем традиции и о создании апокрифа на Руси.

Мифологические сюжеты/мотивы: 0.2а, 0.2б, 0.2в, 0.2г.1, 0.2г.3, 0.2д

Использованное издание:

Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 289–294.

(Болг., Рус.)

Хроника Иоанна Малалы

Греческая хроника VI в., написанная сирийцем Иоанном Малалой (ум. 578), была переведена на славянский язык в Болгарии в X в., став одним из первых источников знаний образованных славян о мировой истории. Перевод не сохранился полностью, но значительная его часть вошла в русские хронографические сочинения XIII и позднейших веков. Наиболее старый фрагмент перевода, относящийся к его первоначальной русской редакции, включен в *Ипатьевскую летопись*. Фрагменты болгарской редакции сохранились в составе болгарской *Александрии*.

В первых книгах *Хроники* содержится эвгемеристическое изложение существенно переработанных античных мифов с христианской точки зрения. Основная идея автора — боги язычников суть обожествленные люди — была с энтузиазмом воспринята славянскими книжниками, которые стали отождествлять его персонажей со славянскими языческими богами. Видимо, такое происходило там, где славянская мифология давала для этого основания. В болгарской версии Зевс минимум в одном месте был заменен «Поруном». В русской версии Гефест был отождествлен со Сварогом, а сын его (по Малале) Гелиос с Дажьбогом.

Мифологические мотивы: 0.3.1, 0.4.4

Использованные издания:

Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 278–279.

Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. Приложения. М., 1893. С. 114.

(Рус.)

Сказание о Борисе и Глебе

Сказание и страсть и похвала святых мучеников Бориса и Глеба

Сказание о Борисе и Глебе возникло, вероятнее всего, не позднее середины XI в. и сохранилось более чем в 170 списках. Наиболее ранний список *Сказания* обнаруживается в Успенском сборнике конца XII — нач. XIII в. В нем к *Сказанию* присоединено *Сказание о чудесах Бориса и Глеба*, созданное в период 1089–1115 гг. Иногда в качестве отдельного произведения рассматривается также завершающая *Сказание* похвала святым. На основе этих произведений, как иногда предполагается, после 1088 г. Нестором было составлено *Чтение о Борисе и Глебе*.

В *Сказании* описано убийство сыновей князя Владимира I — Бориса и Глеба во время междоусобной войны за великокняжеский стол в 1015 году. Гибель Бориса и Глеба от руки подосланных Святополком наемных убийц была расценена как мученическая смерть, Борис и Глеб были признаны святыми и канонизированы. Культ Бориса и Глеба имел важное политическое значение: князья, не нарушившие закона старшинства, подчинившиеся воле старшего брата и не поднявшие на него руки, стали святыми. Распространение на Руси почитания Бориса и Глеба было направлено на укрепление государственного единства.

Авторство *Сказания* точно не установлено. По одной из версий, автором признается Иаков Мних. В *Памяти и похвале Владимиру* он упоминает о ранее написанном сочинении, посвященном Борису и Глебу. Автор же *Сказания* собирался в дальнейшем писать о князе Владимире. Авторство Иакова Мниха согласуется с предположением о весьма раннем создании *Сказания* и использовании именно его в позднейшем летописании (а не наоборот). В *Сказании* говорится, что после битвы на Альте в 1019 г. усобица сыновей Владимира завершилась и на Руси настал общий мир. Сомнительно, что такое утверждение было бы уместным после 1024 или даже 1021 г. С другой стороны, традиционным является мнение об использовании в *Сказании* летописной повести *Об убиении Бориса*. На соотношение ранних борисоглебских памятников и их датировку существуют различные взгляды. Вопрос остается открытым.

Сказание написано в форме жития, со всеми особенностями агиографического повествования — эмоциональностью, условностью и вместе с тем с большим драматизмом и патетичностью. Оно включает периоды ритмической прозы и поэтической речи (молитвы Бориса и Глеба), иногда изобилующие метафорами, как мольба Глеба к убийцам: «Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую!...». *Сказание* оказалось очень популярно на Руси и долгое время служило источником для заимствований.

Оценка источников информации *Сказания* во многом зависит от его датировки. Литературным и идейным образцом, как минимум подразумеваемым, являлось древнейшее славянское *Житие святого Вячеслава*. Если авто-

ром произведения являлся Иаков Мних, то его источник — та же устная или преимущественно устная информация от «многих» современников и очевидцев, что и в *Памяти и похвале Владимиру*. Если *Сказание* создано позднее *Начального свода* или по крайней мере повести *Об убиении Бориса*, то его автор имел в распоряжении письменные источники, которые дополнял и обрабатывал. В этом случае сюжетная канва *Сказания* является вторичной по отношению к летописной. Но в первом случае оно должно рассматриваться как важнейший первоисточник о событиях конца X — начала XI в.

Мотивы: Б45, Г11, Д5, Ж9, З5, М7

Использованное издание (с переводом на современный русский язык):

Святые князья-мученики Борис и Глеб: исследование и тексты / изд. подг. Н.И. Милютенко. СПб., 2006. С. 285–316.

(Рус.)

Иаков Мних. Память и похвала Владимиру
Память и похвала князю русскому Владимиру, как крестился Владимир и детей своих крестил, и всю землю Русскую от конца и до конца, и как крестилась бабка Владимирова Ольга прежде Владимира

Память и похвала Владимиру, созданная в XI в. Иаковым Мнихом, является, возможно, древнейшим сохранившимся памятником русской литературы. Произведение дошло до нас в 13 списках, старший из них датируется XV в. За названием памятника во всех списках следует: «Списано Иаковым мнихом». В памятнике, представляющем собой наиболее раннюю форму агиографии св. Владимира, подчеркивается идея сакральности, высокого статуса княжеской власти.

По утверждению А.А. Шахматова, *Память и похвала* восходит к гипотетическому «Древнейшему своду» и содержит точное изложение хронологии событий по отношению к более поздней *Повести временных лет*. Так, вокняжение Владимира в Киеве в *Памяти и похвале* обозначено 978 г., а не 980-м, как в *Повести временных лет*, крещение Владимира — 987 г., а не 988-м и др. В произведении выделяют три части — *Память и похвалу Владимиру*, *Похвалу Ольге*, озаглавленную как «Похвала княгине Ольге, как крестилась и добре пожила по заповеди Господней», и *Житие Владимира*. *Похвала Ольге* обнаруживается после слов «Тако же и блаженный князь Володимерь сътвори съ бабою своею Ольгою» и по мнению А.А. Шахматова является позднейшей вставкой. Известна редакция *Памяти и похвалы*, в которой отсутствует *Похвала Ольге*.

Сторонники компилятивного характера памятника предполагают, что его основу составило историческое похвальное слово князю Владимиру, написанное во 2-й пол. XI в. монахом Иаковым. Вставка появилась в XIV в. в Северной Руси: в том месте, где у Иакова читалась краткая заметка об Ольге, редактор поместил *Похвальное слово Ольге*, которое также не является ори-

гинальным произведением. В нем соединены панегирик проложного типа и легендарный рассказ о гробнице Ольги в Десятинной церкви. Автор помещает в произведения некоторые вставки из летописи, проводя с помощью них идею о богоизбранности Владимира. Вставной характер *Похвалы Ольге* признают и некоторые сторонники ранней датировки памятника в целом (см. указанную работу Н.И. Милютенко).

В науке время создания *Памяти и похвалы* продолжает вызывать дискуссии. Вторичность текста памятника по отношению к летописи обосновать невозможно. Хронология *Начального свода* в составе *Новгородской первой летописи* та же, что в *Повести временных лет*, а «Древнейший свод» в реальном виде науке неизвестен. Хронология Иакова Мниха и сам порядок изложения им истории X в. значительно расходятся со всеми имеющимися летописями и демонстрируют независимость от них. Более логичной в свете этого представляется идея о более раннем происхождении текста *Памяти и похвалы* по отношению к летописям. *Похвала Ольге* стилистически и сюжетно вполне однородна остальному памятнику, и отражена в древнем авторском заглавии. Упоминание в произведении неизвестных по другим источникам фактов (уничтожение Ольгой капища, поход Владимира на хазар и др.) и тем более христианских чудес («легенда» о гробе Ольги) не может служить основанием для поздней датировки и предположений о компиляции. Напротив, при принятии ранней датировки она влияет на представление о ценности этих сведений. Наконец, известие о гробнице Ольги не может датироваться позднее монгольского нашествия и разрушения Десятинной церкви в 1240 г.

Датировка памятника второй половиной XI в. основана исключительно на вольном отождествлении Иакова Мниха с корреспондентом киевского митрополита Иоанна Иаковом Черноризцем. Но ничего общего, кроме крайне распространенного монашеского имени, у этих персоналий нет. Автор отмечает, что сам не видел Владимира, но собирал о нем сведения «от многих» знающих. Это указывает скорее на младшего современника или, во всяком случае, на первую половину XI в. На основании прямых сведений *Памяти и похвалы* и *Сказания о Борисе и Глебе* их можно считать произведениями одного автора. Отношение автора *Памяти и похвалы* к Владимиру, отстаивание святости князя, ничем принципиально не отличается от позиции, выраженной митрополитом Иларионом в *Слове о Законе и Благодати*. Нет оснований считать *Память и похвалу* созданной в более позднее время. Совпадения же *Памяти и похвалы* с летописью вполне могут быть объяснены, как и в случае со *Сказанием о Борисе и Глебе*, использованием произведения Иакова. В данном случае оно было более ограниченным, поскольку Иаков описывал крещение Владимира в Киеве, а летописец отверг эту версию как «невежественную». *Память и похвала* очень быстро была вытеснена житиями, составленными в соответствии с Корсунской легендой.

Среди источников *Памяти и похвалы* были письменные, на что указывают точные даты смерти Ольги, вокняжения Владимира и его смерти. Однако наряду с такими разрозненными хронологическими записями Иаков пользовался устной информацией из разных источников, на что сам ссылается.

Хронология в его «летописи», завершающей *Память и похвалу*, почти лишена точных дат, вся построена на обычных для архаического сознания относительных датировках по годам от событий. Подобная «летопись походов», вряд ли ведшаяся до записи в письменном виде, известна по *Поучению Владимира Мономаха*. Устные рассказы вполне могли стать ее источником.

Память и похвала имеет хорошую ритмическую организацию, в произведении широко используются ассонансы. Наиболее явный поэтический фрагмент (видимо, древнейший памятник русской повествовательной поэзии) содержится в *Похвале Ольги* при описании ее благодеяний:

И потомъ требища бѣсовская сокруши,
И нача жити в Христѣ Исоусть,
возлюбивши Бога всим сердцемъ
и всею доушею,
И поиде въслѣдъ Господа Бога,
Всими добрыми дѣлы осветивше сѧ
И милостыне оукрашъши сѧ
Нагыѧ одѣваючи,
Жадныѧ напаляючи
И странныѧ покоиваючи,
И нищаѧ, и вдовицы, и сироты всѧ милующи
И потребу даючи всѧкоу
С тихостію и любовью сердца
И молящи Бога день и ноць
О спасении своемъ.

Сюжет: I.35

Мотивы: З8, К6, М2, М9

Использованное издание (с переводом на современный русский язык:
Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008. С. 417–434, 498–500.

(Рус.)

Начальный летописный свод

Временник, который нарицается летописание князей и земли Русской, и как избрал Бог страну нашу на последнее время, и города начали появляться по местам, прежде Новгородская волость и потом Киевская, и о построении Киева, как от имени назвался Киев

Начальный летописный свод, по мнению большинства исследователей, читается в *Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Лм)*. Авторство произведения не известно, но явно связано с Киево-Печерским монастырем. Последнее известие *Начального свода* в *Новгородской первой лето-*

писи — подробный рассказ о кончине Феодосия Печерского (1074 г.), составленный монахом монастыря и очевидцем события.

По мнению А.А. Шахматова, *Начальный свод* был составлен около 1093 г. на основе еще более раннего памятника — свода 1073 г., который был написан будущим игуменом Киево-Печерского монастыря Никоном. В начале XII в. *Начальный летописный свод* был переработан монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, создавшим *Повесть временных лет*. Первичность *Начального свода* по отношению к *Повести временных лет* достаточно очевидна, особенно по первым разделам памятника.

В сохранившемся виде *Начальный свод* охватывает период от «Начала Русской земли» (под 854 г.) до 1074 г. Свод имеет целостную историческую концепцию, основанную на богословской теории казней Господних. Грешные, алчные и притом суеверные современники последовательно противопоставлены доблестным, хотя и неверующим, языческим предкам. Описание междоусобных войн второй половины XI в. сопровождается осуждением автора.

Границы *Начального свода*, авторство и время его точного создания остаются предметом дискуссий. В свете хронологических границ сохранившегося памятника более чем вероятным представляется его фактическое тождество со «сводом 1073 г.». Никон Великий с высокой долей вероятностью был причастен к окончательному оформлению памятника, но автором завершающей статьи 1074 г. он быть не мог. Первичную основу памятника составили, видимо, погодные записи, ведшиеся более или менее систематически с 1044 и почти ежегодно с 1049 г.

Спорным является объем новгородских вставок в сохранившийся *Начальный свод*. Он осложняется отсутствием полного текста *Новгородской первой летописи старшего извода (Н1Лс)*, сохранившейся лишь начиная со статьи 1016 г. Вставными, бесспорно, являются списки князей и епископов в статье 988 г., старейший из которых доведен до 1167-го. Видимо, они были добавлены в протограф *Н1Лм*. В единственном списке первой части *Начального свода* — т.н. Троицком списке *Н1Лм*, обрывающемся ранее окончания статьи 1015 г., эти перечни отсутствуют. Тексты *Н1Лм* и *Н1Лс* совпадают в части статьи 1016 г. (повесть о Любечской битве) и затем на протяжении 1017–1037 (всего 5 коротких записей). Затем они расходятся — в *Н1Лс* следуют новгородские погодные записи с 1039 г., в *Н1Лм* киевские с 1044 г. Троицкий список в конце дает более полный и более близкий к *Повести временных лет* текст агиографической повести *Об убиении Бориса*. Под 1016 г. в *Н1Лм* окончание текста житийного характера, отсутствующее в *Повести временных лет*, разорвано и прорежено аналогичным *Н1Лм* текстом о Любечской битве. К нему добавлен, следуя затем, явно вставной текст *Русской правды*.

Таким образом, есть основания считать, что новгородский сводчик XII в. вставил в *Начальный свод* местную древнюю повесть о Любечской битве и отрывочные записи за 1017–1037 гг., аналогичные *Н1Лс*. В то же время ранее те же или очень сходные материалы использовались в *Повести временных*

лет, что не позволяет решить вопрос окончательно. В любом случае, текст *Начального свода*, при очевидном единстве замысла и идеологии, четко распадается на две части. Первая, легендарно-историческая, охватывает времена первых Рюриковичей до Владимира включительно. Вторая посвящена современному летописцу или летописцам событиям начиная с 1040-х гг.

Автор *Начального свода* использовал в качестве источника византийские хроники Продолжателя Георгия и Симеона Логофета (возможно, в оригиналах). В числе предполагаемых русских письменных источников в науке назывались гипотетические «Древнейший свод», сказание о крещении Руси, *Корсунская легенда*, древнейшие жития Ольги и Владимира. За исключением *Корсунской легенды*, отдельное существование которой в XI в. под вопросом, ни один из этих памятников реально науке неизвестен. Предлагавшиеся доказательства вычленения «Древнейшего свода» не могут считаться вполне убедительными и окончательными. Напротив, все реальные хронологические приметы первой части *Начального свода* (до 1016 г.) несут на себе черты второй половины XI в., которая и является для автора «сим днем». Если *Сказание о Борисе и Глебе* создано ранее *Свода*, то его использование в нем несомненно. Можно предположить также знакомство автора с *Памятью и похвалой Владимиру* Иакова Мниха — которой он не вполне доверял. Летописец пользовался отдельными хронологическими записями памятного характера, в том числе несохранившейся эпитафией Десятинной церкви.

Присутствие в *Начальном своде* устных преданий сомнений не вызывает. Помимо многочисленных отсылок к сведениям, полученным в «сей день» о прошлом отдельных мест, к происхождению местных реалий, присловий и т.д., есть и прямые ссылки на устную традицию, на то, что «говорят». Такие ссылки встречаются там, где приводятся разные противоречивые варианты преданий: в связи с личностью Кия, смертью Олега, местом крещения Владимира. Для описания современных событий летописец также использовал устные рассказы. Под 1071 г. он приводит рассказ боярина Яня Вышатича, известного дружбой с печерскими монахами. Янь (1016–1106), внук новгородского посадника Остромира и сын новгородского воеводы Вышаты, свойственник правящей династии, мог быть источником и ряда сведений о ранней истории. Позднее автор *Повести временных лет* называет его и своим важным информатором. Первый игумен Печерского монастыря Варлаам являлся сыном «первого в боярах» Иоанна (которого, вопреки легенде XVII в., нет оснований отождествлять с Янем) и также неизбежным носителем родовой традиции.

В *Начальном своде* имеются отсылки к «избыточным» сведениям, отсутствующим и в нем, и в иных русских письменных источниках. Воевода Свенельд под 945 г. называется «отцом Мстишиным» — более ниоткуда неизвестного персонажа. Это можно трактовать как единственный ясный след существования «Древнейшего сказания», но след весьма зыбкий. Не менее вероятно, что Мстиша был персонажем хорошо известной в кругу летописца боярской генеалогии. В частности, он вполне мог быть отцом Остромира, тестем Остромира или Вышаты, предком Варлаама. Под 986 г., в рассказе о

выборе вер, отказывая латинским послам, Владимир вспоминает, что «и отцы наши не приняли этого». Это единственное свидетельство сохранения на Руси исторической памяти о неудачной миссии Адальберта в 950-х гг.

Хронология первой части *Начального свода* носит искусственный характер. Походы и деяния Святослава и, вероятно, Владимира распределены по годам из соображений сюжетной композиции, а не неизвестной летописцу их точной датировки. Так, события 969 г. разбиты по четырем погодным статьям 968–971 гг. Последовательность языческих походов Владимира расходуется с их перечнем в *Памяти и похвале Владимиру*. Еще более надуманный характер носит расстановка по годам известных летописцу из преданий событий ранее 945 г.

Начальный свод содержит уникально большое для ранней славянской литературы число поэтических вставок (весьма разного качества воспроизведения и с разной степени явным авторским вкладом). В основном это сравнительно короткие отрывки, являющиеся скорее «конспектами» эпических песен или их фрагментами. Однако их число и тематика свидетельствует об использовании летописцем тесно связанного с родовым преданием дружинного эпоса. Всего таких фрагментов восемь:

1. Введение

Якоже древле царь Римъ,

Назвася и во имя его город Римъ;

И паки Антиохъ, и бысть Антиохиа великаа;

И паки Александръ, и бысть въ имя его Александриа;

Ибо немногая места тако прозвани быша грады в имена царев техъ и кнезей техъ: тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия,

Его же нарицають тако перевозника бывша;

Инеи же: ловы дѣяше около города.

И тако бо есть Промысл Божии,

Еже явѣ в последня:

Куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах,ныне же паки туды святаы церкви златъверхия каменозданныя стоят...

2.854 (1)

Живяху кождо с родомъ своимъ

На своих мѣстех и странахъ,

Владѣюща кождо родомъ своимъ.

И быша три братия:

Единому имя Кию,

Второму же имя Щекъ,

Третьему же имя Хоривъ,

А сестра их Лыбедь.

И седяше Кию на горѣ,

Идѣже нынѣ увоз Боричевъ,

И бѣ с родомъ своимъ;

А братъ его Щек на друзии горѣ,

От него же прозвася Щековица;
А третии Хоривъ,
От него же прозвася Хоривица.
И сотвориша градокъ
Во имя брата своего старгышаго
И наркоша и Кыевъ.
И бгыша мужи мудри и смысленъ, наргычыхуся поляне,
И до сего дне от них же суть кыянъ (поляне);
Бяху же поганъ,
Жруще озером и кладязем и роцениемъ,
Якоже прочии погани.

3. 854 (2)

И въсташа словенъ и кривици
И меря и чудь на варягы,
И изгнаша я за море;
И начаша владети сами собгъ
И города ставити.
И въсташа сами на ся воевать,
И бысть межси ими рать велика и усобица,
И въсташа град на град,
И не беше в нихъ правды.
И реша к себгъ: «Князя поищемъ,
Иже бы владель нами и рядиль ны по праву».
Идоша за море к варягомъ
И ркоша: «Земля наша велика и обилна,
А наряда у нас нгту;
Да поидгте к намъ княжить и владеть нами».
Избращася три брата с роды своими,
И пояша со собою дружину многу и предивну,
И приидоша к Новугороду.
И съде стареишии в Новгъгородгъ,
Бгъ имя ему Рюрикъ;
А другыи съде на Бгльозергъ, Синеусъ;
А третей въ Изборскгъ, имя ему Труворъ.
И от тгхъ варягъ, находникъ тгхъ,
Прозвашася Русь,
И от тгхъ словоет Руская земля;
И суть новгородстии людие
До днешняго дне от рода варяжьска.

4. 964

Князю Святославу възрастшыю и возмужавшию,
Нача вои совокупляти многы храбры;
И бгъ бо самъ храборъ,
И легко ходя, акы пардусъ;
Воины многы творяше

Ходя, а возовъ по собѣ не возаше,
Ни котла, ни мясъ варяше,
Нъ потонку мяса изрѣзавше,
Конину или звѣрину, грядину
На углех испекъ, ядяше;
Ни шатра имяше,
Нъ подклад постилаше,
А сѣдло в головах;
Тако же у него и прочии вси вои бѣху.
И пакы посылаше
Къ странамъ, глаголя им сице:
«Хоу на вы ити».

5. 969

И рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ:
«Не любо ми есть жити в Киевѣ,
Нъ хоу жити въ Переяславци и в Дунаи,
Яко то есть среда земли моеи,
Яко ту вся благая сходятся:
От Грекъ паволокы, злато и вино,
Овоцевъ различнии;
А и-Щехъ и и из Угровъ сребро и конѣ,
А из Русѣ же скоро и воскъ,
И медь, и челядь».

6. 971 (1)

И поиде Святославъ на грѣки,
и изидоша противу руси.
Видѣвше же русь, убояшася зѣло множества вои;
и речи (имъ) Святославъ:
«Уже намъ некамо ся дѣти,
Волею и неволею стати противу;
Да не посрамимъ землѣ Рускыя,
Но ляжемъ костью ту:
Мертви бо срама не имут;
Аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ,
И не имамъ убѣжати,
Нъ станемъ крепко,
Азъ же предъ вами поиду;
Аще моя глава ляжетъ,
То промыслите о собѣ».

И рѣша воини: «Гдѣ, княже, глава твоя, ту и главы наша сложимъ».

(...)

7. 971 (2)

И рѣша бояре:
«Лютъ съи мужъ хоует быти,
Яко имѣниа небрежетъ,

*А оружје емлет и любит;
Имъся по дань» (...)
8. 980
И сѣде в Новѣграде;
И посла къ Рогъволоду Полочку,
Глаголя сице:
«Хоуцъ поняти дщерь твою
Женою собѣ».
Он же рече дщери своеи:
«Хоуцши ли за Володимира?»
Она же рече:
«Не хоуцъ разувати робичица,
Нь Ярополка хоуцю».
Бѣ бо Рогъволодъ пришедъ изъ заморья,
Имяше власть свою в Полотьскѣ,
А Турыи Турове,
От него же и туриця прозвашася.
И приидоша отроци Володимери,
И повѣдаша всю речъ Рогънѣдинѣ,
Дщери Рогъволожи, князя Полочьскаго.
Володимиръ же собра воя многы,
Варягы, словенѣ, чюдѣ, кривици,
И поиде на Рогъволода...*

Мифологические сюжеты/мотивы: 0.2г.2, 0.3.1, 0.4.2, 0.4.5, 0.5.1, 0.5.2,
0.14.1

Сюжеты: I.20, I.22, I.24, I.25, I.26, I.27, I.28, I.30, I.31, I.32, I.33, I.34,
I.35, I.36, I.37, I.38, I.39, I.40, I.41, I.42, I.43, I.44, I.45, I.46, I.47, I.50, I.55

Мотивы: А1, А2, А3, А6, А9, А10, Б7, Б8.2, Б8.5, Б18, Б21, Б22, Б23,
Б24, Б25.2, Б26, Б29, Б30, Б32, Б34, Б41, Б42, Б43, Б44, Б45, Б48, Б49, Б50,
Б54, Б55, Б56, Б56.1, Б57, Б59, В2, В3, В4, В5, Г1, Г3, Г4, Г5, Г6, Г7, Г9, Г10,
Г11, Г13, Г14, Г15, Г16, Г18, Д1, Д2, Д3, Д4, Д5, Е2, Ж1, Ж4, Ж5, Ж6, Ж7,
Ж8, Ж9, З1, З2, З3, З4, З5, З6, З6.1, З6.3, З7, З8, И1, И2, И3, И4, И5, И6, И7,
И8, И9, К6, К7, К10, К12, К19, К20, М1, М2, М2.1, М2.2, М2.3, М6, М6.1, М7,
М16, М20, М23, М27.1, М30, М31

Использованное издание:

Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Перевод на современный русский язык:

Начальная летопись / пер. и комм. С.В. Алексеева. М., 1999.

(Рус.)

Нестор. Чтение о Борисе и Глебе

Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба

Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба создано в последних десятилетиях XI в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Оно наряду с *Житием Феодосия Печерского* является древнейшим памятником русской повествовательной литературы с бесспорной атрибуцией.

Произведение посвящено описанию убийства сыновей князя Владимира I Бориса и Глеба во время междоусобной войны за великокняжеский стол в 1015 году. *Чтение* начинается с изложения библейской истории от сотворения мира и до крещения Владимиром Руси. Каждому описываемому действующему лицу Нестор подбирает прообраз из библейской истории.

Произведение написано в агиографическом жанре. Автор показывает в своем произведении Бориса блаженным, описывает некоторые не известные летописи факты из жизни Бориса. При этом само описание убийства братьев изложено очень кратко и ограничивается описанием моления князей и фразой, обращенной к убийцам: «скончать своё дело». Столь же кратко описано и возмездие убийце Святополку, что заметно отличает произведение от летописи и от *Сказания о Борисе и Глебе*. Зависимость от последнего незначительна или отсутствует.

Параллельные *Сказанию чудес* сюжеты о чудесах святых братьев Нестор излагает иначе, причем один — со ссылкой на рассказ из первых уст. Последнее делает вероятной гипотезу об использовании *Чтения* в *Сказании чудес*.

Сюжет: I.50

Мотивы: Б45, Ж10, 34, 35

Использованное издание (с переводом на современный русский язык):

Святые князья-мученики Борис и Глеб: исследование и тексты / изд. подг. Н.И. Милютенко. СПб., 2006. С. 356–399.

(Рус.)

Нестор. Житие Феодосия Печерского

Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского

Житие Феодосия Печерского написано в 80-х гг. XI в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Древнейший список *Жития* обнаруживается в составе Успенского сборника конца XII — нач. XIII вв. Произведение посвящено иноку, впоследствии игумену Киево-Печерского монастыря Феодосию.

Жизнеописание святого Феодосия подчинено жестким канонам агиографического жанра. Описание его жизни начинается с рождения и заканчивается смертью. Феодосий рожден благочестивыми родителями; в детстве

смиранный отрок, безропотно сносивший побои матери, набожен; в юности отказывается от всех соблазнов мирской жизни, а став монахом, ведет аскетический образ жизни, творит чудеса. Все эти мотивы, достаточно традиционные, встречаются и в *Житии Феодосия*. В *Житии* обнаруживаются заимствования из переводных агиографических памятников – *Житий Евфимия Великого* и *Саввы Освященного*, а также Патериков. В то же время *Житие* изобилует яркими картинками мирского и монастырского быта Киевской Руси. Нестор показывает монахов обычными людьми, не всегда готовыми мириться с суровым монастырским уставом, далеко уступающими в благочестии и смирении игумену Феодосию. Источником для *Жития*, как неоднократно указывает Нестор, послужили личные воспоминания знавших Феодосия людей.

В *Житии* с большим мастерством описаны чудеса, сотворенные Феодосием, и его пророческие видения. При этом, если не считать традиционно-го для житий вступления, где автор молит Бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Феодосия, житие лишено риторических рассуждений. Оно сюжетно и динамично.

Мотивы: М1, М2

Использованное издание (с переводом на современный русский язык):

Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. / подг. текстов и пер. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. М., 1978. С. 305–392.

(Рус.)

Повесть временных лет

Повести минувших лет Нестора, черноризца Феодосиева монастыря Печерского: откуда пошла Русская земля, кто в ней начал первым княжить и как Русская земля появилась

Повесть временных лет составлена в начале XII века и дошла до нас в нескольких редакциях и списках. Первая редакция *Повести временных лет* предположительно утрачена. До нас, по убеждению А.А. Шахматова, дошли вторая и третья. Вторая обнаруживается в *Радзивилловской летописи* (Владимирский свод начала XIII в., два списка XV в.) и *Лаврентьевской летописи* (Владимирский свод начала XIV в., единственный список 1377 г.). Третья содержится в составе *Ипатьевской летописи* (Киевский свод конца XII в. и Галицкая летопись XIII в.), основные списки которой Ипатьевский (XV в.) и Хлебниковский (XVI в.).

По всей вероятности, первая редакция *Повести временных лет* была составлена монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в 1110–1112 гг. Его имя сохранилось в заглавии *Ипатьевской летописи* Хлебниковской редакции, а упоминание о печерском «черноризце» в заглавиях самой *Ипатьевской* и *Радзивилловской*. Кроме того, о Несторе как авторе «Летописца» со-

общает *Киево-Печерский патерик*. Вторая редакция *Повести* составлена игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром в 1116 г., о чем свидетельствует выходная запись Сильвестра в *Радзивилловской* и *Лаврентьевской летописях*. Третья редакция *Повести* предположительно была подготовлена по заказу князя Мстислава Владимировича в 1118 г. и вошла позднее в официальное киевское великокняжеское летописание. Летописец Мстислава говорит о себе и своем визите в Ладогу от первого лица в статье 1114 г. *Ипатьевской летописи*. Его собственную работу открывает статья 1111 г., составленная отчасти с использованием предшествующего текста *Повести*, потому исправленному в соответствующих местах.

Автор *Повести временных лет* начинает своё повествование от заселения мира сыновьями Ноя. Затем следует информация об основных событиях русской истории. В хронологическом порядке описываются деяния князей правящей династии. События в летописи доведены до 1110 г. Для *Повести* характерны вставки в текст повествования различного рода материалов из других сочинений в переработке и с комментариями.

Главное достижение *Повести временных лет* – введение русской истории в обширный контекст мировой. Летопись начинается с разделения земли между сыновьями библейского Ноя, затем впервые в исторической литературе средневековья дается подробный очерк о расселении славян, об обычаях славян и соседних с ними народов. Русь под пером летописца становится важнейшей составной частью христианской вселенной, события в которой рассматриваются параллельно событиям русской истории с первых страниц. Разделяя уверенность Начального летописца в гибельности усобиц и справедливости поражений, нанесенных половцами русским князьям, автор *Повести* в то же время более оптимистичен. Последние записи *Повести* посвящены успешным походам начала XII в. в Половецкую степь.

Одним из источников *Повести временных лет* являлась византийская *Хроника Георгия Амартола*, переведённая на славянский язык не позднее XI в. Автор *Повести* позаимствовал из *Хроники* известия, относящиеся к обычаям различных народов. При этом он указал на используемый источник: «*глаголеть Георгий в летописании*». При сравнении текста *Хроники* с текстом, размещённым в *Повести*, обнаруживается практически дословное совпадение. Из той же *Хроники* уже в следующей редакции, доведённой до 948 г., в состав *Повести* попал рассказ о нападении Руси на Царьград в 866 г. при Аскольде и Дире. Вероятно также, что текст *Хроники* лёг в основу рассказа летописца о разделении земли между сыновьями Ноя.

Ещё одним источником для *Повести* стал *Летописец вкратце* Константинопольского патриарха Никифора (806–815), который вместе с *Хроникой Георгия Амартола* послужили основой для составления хронологии событий IX–X вв. Так, в *Повести временных лет* исправлена ошибочная в Начальном своде дата похода Игоря на Царьград (941 г.). *Летописец*, вероятно, был интересен составителю *Повести* тем, что содержал хронологический перечень важнейших событий всемирной истории, доведённый до года смерти автора. Среди оригинальных произведений, послуживших источниками

для составления *Повести*, можно назвать *Начальный свод*, а также договоры Олега, Игоря и Святослава с греками. Отсутствовавшая в *Начальном своде* подробная история правления Ярослава Мудрого могла быть воссоздана на основе отдельных погодных и памятных записей, а также устных рассказов. Под 1097 г. приводится обширная вставная повесть об ослеплении князя Василька Тербовольского и его последствиях, написанная неким Василем. В дальнейшем ее сведения дублируются летописными статьями 1098–1100 гг. Возможно, есть и иные аналогичные вставки, ныне не улавливаемые.

Отдельные сюжеты *Повести временных лет* имеют легендарный характер. Некоторые из них восходят к *Начальному своду* (рассказ летописца об основании города Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом; общеизвестный рассказ о призвании князей-варягов). В то же время и они оформлены по-новому, в том числе с деталями, указывающими на знакомство автора начала XII в. с иными версиями сюжета. Характер легенды имеют и рассказы о «вещем» Олеге, включённые в *Повесть*. Несомненно, легендарным является рассказ о смерти Олега, который будто бы был укушен змеёй, выползшей из черепа его любимого коня. Параллели к этой легенде находим в скандинавских сагах, где встречается тот же мотив. Характер легенды имеют и другие летописные известия об Олеге, но рассказ о смерти князя отсутствовал в *Начальном своде* и появляется только в *Повести*. Так же только в *Повести* появляются фольклорные сюжеты из времен Владимира I: о богатыре-кожемяке, о «белгородском киселе».

Помимо встречающихся отсылок к пословицам, присловьям и современным местным названиям, в *Повести временных лет* имеются и прямые ссылки на использование устной традиции. На устные предания летописец ссылается, вводя дополнительную или отличную от источника информацию о походе Кия к Царьграду, о могиле Олега, о походе Игоря на греков. Для более близкого, «исторического» времени активно использовались устные рассказы участников и современников событий. Отмечая под 1106 г. кончину Яня Вышатича, автор подчеркивает его возраст (90 лет) и сообщает, что много услышанного от него «вставил» в свое произведение. Эта единственная в своем роде фраза может относиться как к воспоминаниям Яня о его времени (начиная с эпохи Ярослава Мудрого), так и к родовому преданию. Под 1096 г. летописец называет еще одного своего знатного собеседника, новгородца Гюряту Роговича, и приводит его рассказ о поездке в Югру.

Встраивая новые данные из преданий в хронологическую сетку летописи, автор *Повести временных лет*, как и автор *Начального свода* до него, вынужден был прибегать к условному датированию. Явным примером такой условной хронологии являются датировки походов Олега на славянские племена — по году на каждый поход, три года, год за годом после взятия Киева. Характерны также указанные летописцем сроки правления Олега и Игоря (по 33 года каждый).

К целому ряду перенесенных из *Начального свода* ритмических и поэтических отрывков в *Повести временных лет* добавляется три новых. Можно

отметить, что автор сравнительно менее следовал стихотворному размеру, но минимум в одном случае (известие о Кие) оформил им собственную речь:

1. Во введении

*Ини же, не вѣдуци, рекоша,
Яко Кию есть перевозникъ былъ
У Києва бо бѣше перевозъ тогда
с вноя стороны Днепра, тѣмъ глаголаху: «На перевозъ на Києвъ».
Аще бо бы перевозникъ Кию,
То не бы ходилъ ко Царюгороду;
Но сеи Кию княжаше в родѣ своемъ,
И приходившу ему к царю не свѣмы,
Но токмо о семъ вѣмы, яко
Велику честь приялъ есть от царя,
Котором не вѣм и
При которомъ приходи цари.
Идущу же ему вплатъ, приде к Дунаеви,
И возлюби мѣсто, и срубилъ городокъ малъ,
И хотѣше сести с родомъ своимъ,
И не даша ему ту близъ живущии;
Еже и донынѣ наричють дунайцы городище Києвѣцъ.*

2. 884–885

*Иде Олегъ на сѣверяне,
И побѣди сѣверяны,
И възложи на нь дань легку,
И не дастъ имъ козаромъ дани платити,
Рекъ: «Азъ имъ противень, а вамъ не чему».
Посла к радимичемъ, река:
«Кому дань даете?»
Они же рѣша: «Козаромъ».
И рече имъ Олегъ:
«Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте».
И вдаша Ольгови по щѣлагу,
Якоже и козаром даяху.*

3. 1024

*И бывши ноци, бысть тма,
И молнья, и громъ, и дождь.
И рек Мъстиславъ дружинѣ своей:
«Поидемъ на нь».
И поиде Мъстиславъ и Ярославъ противу собѣ
И сступиша чело сѣверъ с варягы
И трудисяся варягы секуще сѣверъ.
И посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею,
И нача стѣчи варягы,
И бысть стѣча силна,
Яко посвѣтяше молнья,*

*Блѣщашеться оружье
И бѣ гроза велика
И стѣча силна и страшна.*

Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣждаемъ есть, побѣже с Якуномъ, княземъ
варажскимъ,

*И Якун ту втбѣже луды златоѣ.
А Ярославъ же приде к Новугороду,
А Якунъ иде за море.
Мѣстиславъ же в светъ заутра
Видевъ лежащихъ стѣчены
От своихъ сѣверъ, а варагы Ярославль,
И рекъ: «Кто сему не радъ?
Се лежитъ северанинъ, а се варагъ,
А дружина своя цѣла».*

Мифологические сюжеты/мотивы: 0.2г.2, 0.3.1, 0.4.1, 0.4.2, 0.4.5, 0.5.1,
0.6.1, 0.6.2, 0.9.2, 0.12, 0.14.1

Сюжеты: I.1, I.20, I.21, I.22, I.23, I.24, I.25, I.26, I.27, I.28, I.29, I.30, I.31,
I.32, I.33, I.34, I.35, I.36, I.37, I.38, I.39, I.40, I.41, I.42, I.43, I.45, I.47, I.48, I.49,
I.50, I.51, I.52, I.53, I.54, I.55, I.56

Мотивы: А1, А2, А3, А6, А9, А10, А12, А13, Б2.1, Б3.2, Б3.3, Б7, Б8.2,
Б8.5, Б13, Б13.1, Б13.2, Б14, Б15, Б18, Б20, Б21, Б22, Б22.1, Б23, Б24, Б25.2,
Б26, Б26.1, Б27, Б29, Б30, Б32, Б34, Б35, Б41, Б42, Б43, Б44, Б45, Б48, Б49,
Б50, Б54, Б55, Б56, Б56.1, Б57, Б59, В2, В3, В4, В5, Г1, Г3, Г4, Г5, Г7, Г9, Г10,
Г11, Г13, Г14, Г16, Д1, Д2, Д3, Д4, Д5, Е1, Е2, Е3, Ж1, Ж2, Ж3, Ж4, Ж5, Ж6,
Ж7, Ж8, Ж9, З1, З2, З3, З5, З6, З6.1, З6.3, З7, З8, И1, И2, И3, И4, И5, И6, И7,
И8, И9, К3, К4, К5, К6, К7, К10, К12, К13, К19, К20, К21, М1, М2, М2.1,
М2.2, М2.3, М2.4, М4, М6, М6.1, М7, М11, М16, М17, М18, М19, М20, М22,
М23, М25, М27.1, М27.2, М31, М32

Использованные издания:

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись.
М., 1997.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.,
1998.

Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивилловская летопись.
Л., 1989.

Перевод на современный русский язык:

Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент.
Д. С. Лихачева. СПб., 1996.

(Рус.)

Сказание о чудесах Бориса и Глеба

Сказание чудес святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида

Сказание о чудесах Бориса и Глеба возникло, по одной версии, в середине XI в., по другой — в период 1089–1115 гг., которым в любом случае датируется его современная форма. *Сказание* сохранилось более чем в 170 списках. Наиболее ранний его список обнаруживается в Успенском сборнике конца XII — нач. XIII вв., где *Сказание о чудесах* предваряется *Сказанием о Борисе и Глебе* и *Похвалой Борису и Глебу*. *Сказание* входит в состав Борисо-Глебского цикла и описывает чудеса, происшедшие преимущественно в Вышгороде у мощей святых в XI — начале XII в. Помимо рассказов о чудесах, совершенных святыми, в *Сказании* содержатся сведения о построении посвященных им церквей в Вышгороде, о перенесении их мощей в 1072 и в 1115 гг.

Авторство *Сказания о чудесах* и его соотношение со *Сказанием о Борисе и Глебе* точно не установлены. Во многих списках произведения переписывались отдельно. По одной гипотезе, возникли они практически самостоятельно, и *Сказание о чудесах* даже в первоначальной форме моложе *Сказания о Борисе и Глебе*. По другой, диптих изначально возник как целостное произведение в последних десятилетиях XI или уже в начале XII в.

Мотив: Ж10

Использованное издание (с переводом на современный русский язык):

Святые князья-мученики Борис и Глеб: исследование и тексты / изд. подг. Н. И. Милютенко. СПб., 2006. С. 318–345.

(Рус.)

Новгородская первая летопись старшего извода

Новгородская первая летопись старшего извода (Н1Лс) — официальный летописный свод Новгорода Великого, сохранившийся в единственном списке XIII в. (продолженном в XIV в.). Начало списка утрачено, он начинается на статье 1016 г., содержащей повесть о Любечской битве и в этой части совпадающей с младшим изводом (*Н1Лм*). Редкие и лапидарные летописные статьи 1017–1037 гг. тоже совпадают с *Н1Лм*. С 1039 г. изводы расходятся — *Н1Лс* включает все более частые, но по-прежнему лаконичные погодные записи новгородского происхождения, в *Н1Лм* следует текст *Начального свода* за 1044–1074 гг. Затем изводы сходятся снова. С 1103 г. записи становятся ежегодными, а с 1111 г. подробными, что отмечает, очевидно, начало регулярного летописания и создание первой версии свода.

Начало летописного кодекса утрачено, и восстановление его не представляется возможным. Это делает трудноразрешимыми вопросы о происхождении текста *Н1Лс* и *Н1Лм* за 1016–1037 гг., о наличии соответствующих статей в *Начальном своде* либо их принадлежности к новгородской традиции. Яркое сюжетное повествование о Любечской битве в любом случае исконно связано с последней, однако появление его и в киевском *Начальном своде*

вполне возможно. Очень близкий текст присутствует в *Повести временных лет*.

Первая вероятность: повесть о Любечской битве и последующие записи перенесены из протографа *НІЛМ*, еще не содержавшего под 1016 г. *Русской Правды*, ввиду отсутствия в протографе *НІЛс* статей ранее 1039 г. В этом случае следует признать, что утраченное начало *НІЛс* совпадало с *НІЛМ*. Аргументом против этого является отсутствие в *НІЛс* не только *Русской Правды*, но и имеющихся в *НІЛМ* фрагментов агиографического повествования, естественно продолжающих развернутую (как в Троицком списке *НІЛМ*, не содержащем новгородских вставок в *Начальный свод*, но обрывающемся ранее статьи 1016 г.) повесть *Об убиении Бориса*. Статья 1016 г. в *НІЛМ* выглядит искусственной компиляцией трех источников: новгородской повести о Любечской битве, эпилога повести *Об убиении Бориса* и *Русской Правды*. Только второй явно связан с *Начальным сводом*. В то же время статья 1016 г. в *НІЛс* целостна и содержит только первый компонент.

Потому не менее возможна вторая вероятность: статья 1016 г. в *НІЛс* оригинальна и принадлежит ранней новгородской традиции; ей предшествовал неизвестный нам и для нас утраченный объем аналогичной по характеру информации. Повесть о Любечской битве могла сначала бытовать отдельно, в каком виде была использована (лишь отчасти) в *Повести временных лет*. В (протографе) *НІЛМ* она заимствована из (протографа) *НІЛс* вместе с последующими отрывочными статьями, заполнив лакуну, имевшуюся в *Начальном своде* между статьями 1016 и 1044 гг.

Сюжет: I.50

Мотивы: Б14, Б32.1, И6, И8, К10, М2, М23

Использованное издание:

Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

(Рус.)

Слово о посте к невежам

О посте к невежам в понедельник второй недели

Слово о посте к невежам — одно из наиболее ранних и узко датированных древнерусских поучений против язычества. Оно сохранилось в единственном списке XVI в. Упомянутые в памятнике реалии (половцы, вятичи как самостоятельная политическая единица) указывают на вторую половину XI — начало XII в. В *Слове* подробно описывается ритуал поминовения духов умерших (навей). «Бесы», являющиеся под видом навей, предстают бродячими, ходящими по разным странам в поисках подношений, что может восходить к языческим представлениям о мертвецах. Как и почти все древнерусские поучения против язычества, *Слово* анонимно.

Мифологический мотив: 0.9.1

Использованное издание:

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. М., 2000. С. 5–16.

(Рус.)

Слово об идолах

Слово святого Григория, найденное с толкованием, о том, как поганые языки сначала кланялись идолам и требы им клали, что и ныне творят

Слово некоего христолюбца

Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере

Слово Иоанна Златоустого о поганых

Слово святого отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинограда, о том, как сначала поганые веровали в идолов, требы им клали и имена им нарекали

Группа из трех сюжетно и текстуально связанных древнерусских поучений против язычества частично восходит к греческим прообразам (*Слово на Богоявление* св. Григория, *Слово о лжепророках* под именем св. Иоанна). Однако они в обоих случаях существенно расширены и переработаны, дополнены сведениями о славянском язычестве и суевериях современников.

Слово об идолах — старейший памятник, ставший источником для двух других. Оно создано неизвестным русским монахом-паломником по пути из Палестины в Константинополь, во время остановки на Афоне. Предположительная датировка памятника: вторая половина XI — начало XII в. Связывать его создание с именем единственного тогдашнего известного русского писателя-паломника игумена Даниила, автора *Хождения*, нет реальных оснований. Слово сохранилось в трех редакциях предположительно XII–XIV вв., в четырех списках XIV–XVI вв. Автор русской переработки греческого оригинала развивает теорию происхождения язычества из античного мира, подставляя имена славянских богов и добавляя славянские реалии. Поздние редакции содержат добавления, восходящие, возможно, к иным ранним источникам. *Слово об идолах* — один из важнейших источников о языческом пантеоне и религии восточных славян. Однако при его анализе следует учитывать греческую основу памятника и концепцию его автора.

Слово некоего христолюбца создано с использованием *Слова об идолах* не позднее (вероятно, что намного ранее) XIV в. и было намного популярнее. В настоящее время часто предполагается его первенство по отношению к *Слову об идолах*, чему вместе с тем недостаточно доказательств. Сохранилось 15 списков XIV–XVII вв. Именно в этом памятнике появляется понятие «двоеверие». Сведения о язычестве славян в нем заметно дополнены и конкретизированы.

Слово Иоанна Златоустого о поганых создано на основе *Слова о лжепророках*, *Слова об идолах*, *Слова о посте к невежам*. Им, в свою очередь,

мог пользоваться создатель позднейшей Чудовской редакции *Слова об идолах*, что обеспечило близость памятников. *Слово* сохранилось в единственном списке XIV/XV в. Создание датируется в пределах XII–XIII вв. Помимо заимствований из источников, есть в *Слове* и оригинальные вставки-дополнения, посвященные славянскому язычеству.

Мифологические мотивы: 0.3.2, 0.4.2, 0.6.1, 0.7.1, 0.7.2, 0.7a, 0.13, 0.14.2, 0.14.4, 0.14.6

Использованное издание:

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. М., 2000. С. 22–48, 55–63.

(Рус.)

Статья о вдуновении духа

О вдуновении духа в человека

Короткое поучение против язычества, внесенное русским переписчиком в толкования на Евангелие, сохранилось в единственном списке рубежа XV–XVI вв. По содержанию и языку статью датируют домонгольским временем. В ней упоминается мифологическое представление, связанное с Родом.

Мифологический сюжет/мотив: 0.1

Использованное издание:

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. М., 2000. С. 96–98.

(Рус.)

Хождение Богородицы по мукам

Откровение Святой Божьей Матери о муках, где мучится род человеческий за свои грехи

Греческий апокриф *Хождение Богородицы по мукам* был переведен на Руси не позднее XII в. Русский перевод, чрезвычайно популярный в средние века и позднее среди старообрядцев, сохранился в десятках списках XII–XX вв. Русский переводчик, редактируя оригинал, помимо прочего сделал в нем обличающую вставку с именами ряда славянских языческих богов.

Мифологический мотив: 0.14.3

Использованное издание (с переводом на современный русский язык):

Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 582–626.

(Рус.)

Слово и откровение святых апостолов

Апокрифическое сочинение *Слово и откровение святых апостолов*, переделанное на Руси из южнославянского перевода, включает дополнение с упоминанием языческих богов и осуждением язычества. Русская редакция сохранилась в единственном списке XVI в. Русский автор развивал концепцию античного происхождения русских богов, известную по *Слову об идолах*. Памятник по содержанию, с учетом актуальности для его создателя борьбы с языческим пантеоном, может быть датирован XII–XIII вв. Но имеются мнения и о более поздней датировке, вплоть до времени списка.

Мифологический мотив: 0.14.5

Использованное издание:

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. М., 2000. С. 49–54.

(Рус.)

Беседа трех святителей

Беседа трех святителей — компилятивное апокрифическое сочинение вопросо-ответного характера, сохранившееся в большом количестве русских списков начиная с XII или XIII в. Время появления памятника на Руси определяется как XI–XII вв. На раннее и южнославянское происхождение (или просто на южнославянские источники) указывает приписывание *Беседы* в списках отреченных книг попу Иеремии. Иноязычные источники *Беседы* — греческие и латинские. Редакции *Беседы*, создававшиеся или фиксируемые списками до XVII в. включительно, сильно расходятся между собой. Имеется сербская редакция *Беседы*, что позволяло поставить вопрос о возможности первоначального перевода на Балканах. *Беседа* тесно связана и взаимопроникала как с болгарскими апокрифами аналогичного содержания (*Разумник*, *Разумник-Указ*), так и с позднейшими, зависящими от нее русскими (*Беседа Иерусалимская*, — в свою очередь, связанная с фольклорным духовным стихом о Голубиной книге то ли как его источник, то ли как первая запись). Всё это затрудняет ее исследование. Детальное сопоставление всей этой группы памятников между собой, с латинскими и греческими прообразами на уровне современных научных знаний не производилось. Датировка и соотношение редакций *Беседы* пока не установлены.

Довольно свободная структура памятника позволяла его редакторам и переписчикам привлекать к нему и вставлять сведения из самых разных, в основном апокрифических источников. Так, многие мифологические мотивы Соловецкой редакции (два заметно расходящихся в частности списка XVII в.) с очевидностью вплоть до деталей восходят к *Тивериадскому морю*.

В двух разных редакциях памятника (неидентифицируемый ныне список XV в., относимый к *Беседе* предположительно по содержанию, и Соловецкая редакция) редакторы вставили упоминания русских языческих богов. Степень оригинальности иных довольно богатых мифологических сведений *Беседы*, их книжное или иное происхождение, ждут своего исследования, в зависимости от решения поставленных выше вопросов.

Мифологические мотивы: 0.4.3, 0.4.5, 0.4.6

Использованные издания:

Щапов А.П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1906. С. 34–37.

Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Т. XV. М., 1852. С. 91.

(Серб.)

Летопись попа Дуклянина

Под названием *Летопись попа Дуклянина* в историческую науку введено сочинение, сохранившееся в двух списках XVII в., на латинском языке. По свидетельству самого текста, латинская версия — переработка или перевод со славянского. Изложение истории югославянских и далматинских земель в памятнике доведено до 1140-х гг. В центре изложения — история Дукли (ныне Черногория и север Албании), превратившейся к началу XII в. в крупнейшую державу региона. Известен также меньший по объему, доведенный лишь до начала XII в. и отличающийся в деталях хорватский текст (т. н. *Хорватская хроника*), отношения которого с *Летописью* дискутируются. Название *Летопись* не слишком удачно, поскольку в памятнике практически отсутствует внятная хронология. С этой точки зрения более адекватно другое предлагавшееся наименование — *Барский родослов*. Однако в науке более утвердилось, при всей его условности, наименование *Летопись попа Дуклянина*, его мы и будем использовать.

Оценки *Летописи* в науке существенно различаются. Хронологически ее создание помещается в диапазоне от XII до XIV в. Что касается славянского прототипа *Летописи*, то существование единого прообраза вызывает сомнения у ряда исследователей, хотя следы славяноязычного источника или источников признают даже крайние скептики. В самой *Летописи*, помимо основного источника (**Книги Готской*), названы и другие славяноязычные сочинения — правовой свод **Книга «Мефодий»* и **Книга деяний блаженного Владимира*. По контексту неясно, были они источниками *Летописи* или переведенной в ней **Книги*.

Летопись достаточно четко распадается на две части: легендарную и историческую. Историческая часть достаточно достоверно, в целом в согласии с синхронными источниками, описывает события XI—XII вв. Изложение событий в легендарной части крайне запутано и не соответствует показаниям синхронных источников. При этом следует отметить, что как в легендарной,

так и в исторической части основным первоисточником данных *Летописи* могла являться только устная генеалогическая традиция. На это указывают смещение имен, сомнительность точных хронологических указаний в «исторической» части, а также особое внимание к княжеской генеалогии. Изложение строится по поколенному принципу. События датируются (если датируются) по годам правления «королей». Все это позволяло еще в первые века изучения *Летописи* относить ее и к распространенному позднее в сербской литературе жанру «родословов». С другой стороны, в *Летописи* присутствуют элементы самых разных фольклорных жанров – героического воинского эпоса, топонимических преданий и т.д. Прямая ссылка на наличие устных преданий об описанных в *Летописи* событиях содержится в предуведомлении латинского «переводчика».

Сюжеты: I.1, I.57, I.58, I.59, I.60, I.61, I.62, I.63, I.64, I.65, I.66, I.67, I.68, I.69, I.70, I.71, I.72, I.73, I.74, I.75, I.76, I.77, I.78, I.79

Мотивы: А1, А2, А3, А4, А7, А9, А11, Б1, Б2.2, Б3.1, Б4, Б5, Б6, Б8.1, Б8.2, Б8.3, Б8.4, Б8.5, Б13, Б13.1, Б17, Б19, Б22.2, Б23, Б24, Б25.1, Б26, Б26.1, Б27, Б33, Б36, Б39, Б40.1, Б45, Б46, Б47, Б49, Б52, Б53, Б57, Б60, В1, В3, В4, В5, Г1, Г2, Г3, Г5, Г7, Г8, Г9, Г10, Г11, Г12, Г13, Г14, Г15, Г17, Г18, 31, 32, 34, 35, 38, 39, К10, Л1, Л2, Л3, М2, М2.1, М2.2, М4, М5, М7, М8, М12, М14, М15, М16, М19, М20, М23

Использованное издание:

Gesta Regum Sclavorum. Т. 1. Београд, 2009.

Перевод на русский язык:

Алексеев С.В. Летопись попа Дуклянина: перевод и исследование. СПб., 2015.

(Серб.)

Святой Сава. Житие святого Симеона

О наследовании святого монастыря сего преподобным отцом нашим и ктитором господином Симеоном и о житии его, каковым было перед Богом и человеками

Стефан Первовенчаный. Житие святого Симеона

Житие и жизнь преподобного, блаженного и святого отца нашего Симеона, прежде бывшего наставника и учителя, господина и самодержца отечества своего, всей Сербской земли и Поморской

Первое *Житие св. Симеона* — сербского великого жупана Стефана Немани (ум. 1199), принявшего с этим именем монашеский постриг, — написано его сыном, будущим первым архиепископом Сербии Савой, в 1208 г. Оно сохранилось в двух поздних списках составленного Савой типика Студеницкого монастыря. Второе *Житие*, независимое от первого, создано другим сыном Стефана — первым сербским королем Стефаном Первовенчаным, примерно в 1216 г. Оно сохранилось в трех списках XIV–XV вв.

Житие Савы достаточно традиционно сосредотачивает внимание на монашеских трудах Симеона. Второе *Житие* в этом смысле заметно отличается от первого. В центре внимания Первовенчанного — мирское правление Немани и его чудесная посмертная помощь сыну в делах власти. В отличие от *Жития* св. Савы, где присутствуют — правда, редкие, — точные хронологические указания, в *Житии* Стефана лишь иногда используется относительная хронология по числу лет.

Мотивы: А2, Б23, Б26, Б26.1, Б46, Б46.1, Г6, 35

Использованные издания:

Списи св. Саве. Београд; Сремски Карловци, 1928. С. 151–175.

Јовановић Т. Житије светог Симеона Стефана Првовенчаног према препису средине XV века // Археографски прилози. 33 (2011—2012). Београд, 2012. С. 103–191.

Перевод на русский язык:

Алексеев С.В. Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв.: Переводы и исследование. Т. 1. СПб., 2016. С. 57–89.